

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2017»

Москва, 31 мая — 3 июня 2017

«Я СКАЖУ ТЕБЕ С ПОСЛЕДНЕЙ ПРЯМОТОЙ»: ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ ПО ДАННЫМ КОРПУСА С ПРОСОДИЧЕСКОЙ РАЗМЕТКОЙ

Подлесская В. И. (vi_podlesskaya@il-rggu.ru)

Российский государственный гуманитарный университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы; Москва, Россия

Ключевые слова: прямая речь, косвенная речь, русский язык, корпус, устная речь, просодия

“JA SKAZHU TEBE S POSLEDNEJ PRJAMOTOJ”: DIRECT AND INDIRECT SPEECH VIEWED THROUGH THE PRISM OF PROSODICALLY ANNOTATED CORPUS DATA

Podlesskaya V. I. (vi_podlesskaya@il-rggu.ru)

Russian State University for the Humanities;
Russian Academy of National Economy and Public Administration;
Moscow, Russia

The paper focuses on how prosody complements grammar in differentiating between two main strategies of quoting—direct and indirect speech (*Peter*

said: "I am a linguist" vs. Peter said that he was a linguist). Basing on corpus data from spontaneous spoken Russian, the paper addresses two research questions: (1) how do grammatical, lexical and prosodic parameters correlate in canonical cases of direct and indirect speech in Russian, and (2) what are typical prosodic deviations from canonical patterns. Answering the first question, we indicated prosodic features (pitch movements, pitch reset, localization of phrasal accents, pauses etc.) that help to identify a prosodic break between the reporting frame (*Peter said*) and the following reported utterance in the case of direct deixis (when personal and spatiotemporal indexes are oriented towards the reported situation, cf. *I am a linguist*) and the lack of such a break in the case indirect deixis (when personal and spatiotemporal indexes are shifted towards the reporting situation, cf. *that he was a linguist*). Answering the second question, we indicated particular prosodic patterns used (i) to integrate otherwise prosodically disintegrated constructions with direct deixis, and (ii) to disintegrate otherwise prosodically integrated constructions with indirect deixis.

Key words: direct speech, indirect speech, Russian, corpus, natural discourse, prosody

1. Постановка вопроса

Данная работа посвящена феномену цитации в живой речи¹. На корпусном материале исследуются просодические средства, позволяющие говорящему включить так называемую «чужую» речь в состав текущего повествования. Основная цель — уточнить, как в русском неподготовленном дискурсе просодия вносит вклад в реализацию известного в грамматической традиции противопоставления прямой и косвенной речи.

Я рассматриваю противопоставление «прямая vs. косвенная речь» не как бинарное, считая, что прямая и косвенная цитация представляют собой концы шкалы, промежуточные значения на которой связаны с действием разнородных факторов — в том числе, прагматических, грамматических, просодических (в устной речи), графических (в письменной речи). На русском материале плодотворность такой точки зрения убедительно продемонстрирована в работах Е. В. Падучевой (1996 а,б, *inter alia*), показавшей, что скалярность этого противопоставления связана с разной степенью редукции свойств диалогического режима использования языка: дейктичности, экспрессивности и ориентации на синхронного адресата. В типологической перспективе такая позиция была обоснована в работах А. Ю. Айхенвальд (Aikhenvald 2008, 2011a,b), систематизировавшей возможные параметры внутриязыкового и межъязыкового варьирования цитационных конструкций. Разнообразие средств, грамматикализирующих противопоставление прямой и косвенной речи, и в первую очередь разнообразие форм индексального сдвига (грамматически детерминированных правил выбора дейктических элементов) было исследовано Н. Эвансом (Evanse 2013). Многофакторный анализ цитационных конструкций в устной русской

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант 17-18-01184

речи на корпусном материале был впервые предпринят в рамках коллективного исследования Литвиненко и др. 2009. Я в значительной степени опираюсь на сформулированные в этой работе подходы.

Я использую материал корпуса «Веселые истории из жизни» электронной коллекции «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» (Spoken-corpora 2013). Корпус содержит 40 устных монологов (аудиофайлы с синхронизированными просодически размеченными транскриптами, респонденты от 18 до 60 лет, около 10 000 словоупотреблений). В корпусе было обнаружено 162 эпизода включения чужой речи.

Дальнейшее изложение будет строиться следующим образом. Сначала, по необходимости кратко, будут рассмотрены прагматические параметры противопоставления прямой и косвенной речи и задокументированные в корпусе прототипические случаи прямой и косвенной речи, в которых прагматические параметры полностью согласуются с лексико-грамматическими и просодическими (раздел 2). Далее я продемонстрирую обнаруженные в устном подкорпусе три основных типа рассогласования прагматических и просодических параметров (раздел 3). В разделе 4 будут приведены количественные данные и подведены итоги.

2. Прагматика и просодия конструкций с «чужой речью». **Канонические случаи прямой и косвенной речи**

Вслед за Литвиненко и др. 2009 я буду использовать термин «цитационная конструкция», считая, что последняя состоит из собственно цитации — отрезка дискурса, передающего чужую речь, и авторской ремарки, центральным элементом которой в прототипическом случае является глагол речи (конструкции с глаголами мысли, чувства и им подобные остаются за рамками данного исследования).

Главное прагматическое свойство прямой речи состоит в том, что цитация формирует самостоятельную иллокуцию. Вследствие этого все дейктические элементы цитации ориентированы на внутреннюю коммуникативную ситуацию, а не на внешнюю ситуацию нарратива, в который интегрирована чужая речь (я буду использовать рабочий термин «прямой» дейксис). Другим важным следствием иллокутивной самостоятельности цитации является отсутствие ограничений на тип иллокуции: в прототипических случаях прямой речи возможны типы иллокуций, отличные от сообщения (вопросы, обращения, восклицания, директивы).

В прототипических случаях прямой речи лексико-грамматические свойства цитационной конструкции согласуются с прагматическими, что приводит, в частности, к тому, что в составе цитации становятся возможными так называемые *main-clause phenomena* «явления главного предложения», или, согласно важному уточнению, сделанному Е. В. Падучевой (1996а:299), «явления предложения, которому соответствует отдельный речевой акт». Это средства выражения субъективной модальности, экспрессивно диалогические элементы, реактивные реплики и проч. Ср. обнаруженные в исследованном

корпусе конструкции, неперебиваемые в режим косвенной речи: вопросы, вводимые дискурсивным маркером *а* (*А где здесь сервис-центры?; Ну а вы не можете сказать?*); восклицания, вводимые междометиями (*Ой какие попугайчики!*); вопросы с клитизированной частицей *–то* (*Чего вообще случилось-то?*); звуковые имитации (*Бээ*); интродуктивные формулы (*Так вот: ...*), дискурсивные повторы (*Очень много значит. Очень.*) и др.

В устном дискурсе в прототипических случаях прямой речи с прагматическими свойствами цитационной конструкции согласуются и просодические. Во-первых, для выражения иллокутивных значений в цитации используются те же стандартные коммуникативно-просодические паттерны, что и в независимых иллокуциях в диалогическом режиме: в частности, быстрый подъем в высокий регистр по типу ИК3 в терминологии интонационных конструкций (Брызгунова 1982) для выражения общего вопроса, подъем с последующим падением по типу ИК5 для восклицания и т.п. Во-вторых, авторская ремарка и цитация реализуются как две отдельных коммуникативно-просодических составляющих, каждая — со своим фразовым акцентом. Препозитивная авторская ремарка вдобавок обычно реализуется с падением тона в главном фразовом акценте, типичным маркером просодической завершенности, что создает уникальную дискурсивную коллизию: просодическая реализация не проецирует продолжения, но, в то же время, наличие предиката речи с незаполненной валентностью, напротив, предполагает дальнейшее развертывание дискурса.

Следующие два примера иллюстрируют согласование всех параметров в прототипическом случае прямой речи. В примере (1) в составе цитации имеется обращение и специальный и общий вопросы, выражающие также удивление. Маркирующая вопрос-удивление частица *же* — типичный пример *main-clause phenomena*, делающего невозможным перевод вопроса в режим косвенного цитирования. Авторская ремарка формирует отдельную коммуникативно-просодическую составляющую и реализуется с падением тона в главном фразовом акценте, локализованном на глаголе речи. В строке 12 представлен типичный для специального вопроса паттерн — подъем на вопросительном слове и падение тона в конце:

(1) FS32-sp²

10. — … она \спросила:
11. </↑Мама@
12. А /как же … за́мок может \танцевать?
13. .. У него же ножек /нету?»

² Индекс примера содержит ссылку к ярлыку текста в составе корпуса. Номера строк соответствуют нумерации строк в рассказе. Об используемой системе дискурсивной транскрипции см. Кибрик, Подлеская (ред.) 2009, SpokenCorpora 2013. Существенно, что в отличие от письменной речи, где решение об использовании кавычек принимает говорящий (пишущий), при документировании устной речи решение об использовании кавычек принадлежит транскриберу. Согласно конвенции, принятой для SpokenCorpora 2013, кавычками обрамляются те цитации, в которых использован прямой дейксис и/или имеются *main-clause phenomena*.

Сходным образом, с падением тона на глаголе речи реализована авторская ремарка в примере (2) в строке 54. Кроме того, в цитации в строке 55 использован паттерн, типичный для эмфазы — удлинение и тональное искривление слога — носителя главного фразового акцента (Янко 2008: 83–97), см. слог *ве-е* в составе слова *Медве-едева*, рис. 1. Очевидно, что подобное просодически выраженное значение эмфазы делает невозможным перевод этой иллокуции в режим косвенного цитирования. Замечу также, что если коннектор *к тому же* допускает перевод в режим косвенной речи (*говорит, что к тому же она землячка...*), то комплекс *и к тому же* — не допускает, т.е. является *main-clause phenomenon* (**говорит, что и к тому же она землячка...*):

(2) FS13-sp

52. ... А /потом .. ну такая /пауза,

53. /тишина,

54. и он \говорит:

55. ... «И /ещё .. к \тому же .. она /землячка /\Медве-едева!»

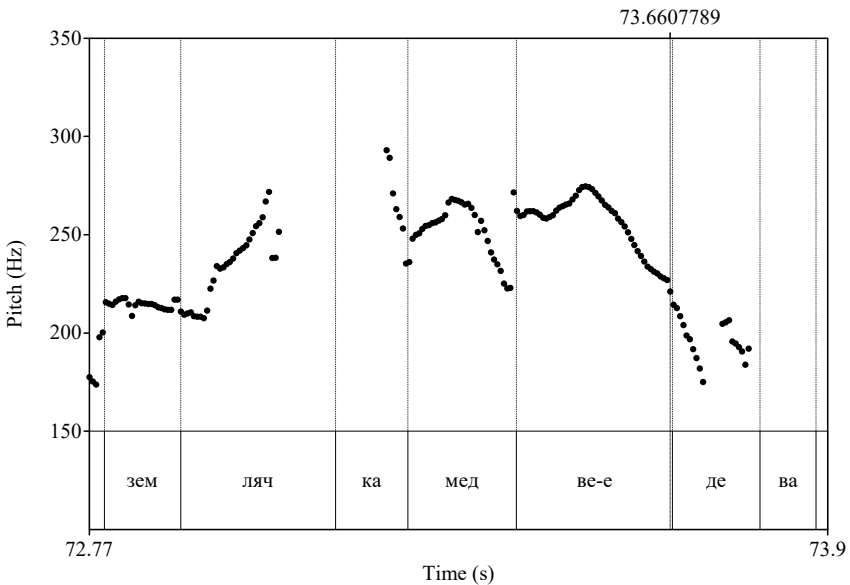

Рис. 1. FS13-sp: «землячка Медведева»

Обратимся теперь к цитационным конструкциям в формате косвенной речи. Их главное прагматическое свойство состоит в том, что авторская ремарка и собственно цитация образуют единую иллокуцию. Вследствие этого все дейктические элементы цитации (личные, временные, пространственные) ориентированы не на внутреннюю коммуникативную ситуацию, а на внешнюю ситуацию нарратива, в который интегрирована чужая речь (для таких случаев я буду использовать рабочий термин «косвенный» дейксис).

Другое важное следствие иллокутивной несамостоятельности цитации состоит в том, что в составе цитации затруднены типы иллокуции, отличные от сообщения: мы имеем дело не с речевыми актами вопроса, директива, обращения и т.д., а с сообщениями о них; такими сообщениями являются в частности, косвенные вопросы и косвенные директивы. В прототипическом случае лексико-грамматические свойства таких конструкций согласуются с прагматическими. Цитация в формате косвенной речи грамматически строится как сентенциальный актант вводящего предиката. Такой сентенциальный актант оформляется по тем же моделям, что и другие сентенциальные актанты в данном языке: может вводиться комплементаризатором (в русском — это союзы *что* и *чтобы*), может требовать ограничений на грамматические формы предиката (например, требовать так называемого согласования времен, как в английском и других европейских языках), может требовать ограничений на порядок слов (например, –заключительной позиции глагола, как в немецком языке) и т.д.

Далее, в косвенной речи в состав цитации могут быть внедрены дискурсивные маркеры, связанные с развертыванием внешней речевой ситуации — показатели речевых затруднений (повествователя, а не «внутреннего» говорящего!), аппроксиматоры (*мол, типа, как бы* и др.), которые нужны, чтобы показать, что чужая речь приводится не *verbatim*: ее форма, а часто и смысл, преподносятся в редакции повествователя. Явления такого рода отражают текущий процесс речепроизводства и не могут интерпретироваться как исходно принадлежавшие цитируемому фрагменту.

В прототипических случаях косвенной речи с прагматическими свойствами цитационной конструкции согласуются и просодические. Авторская ремарка и собственно цитация демонстрируют существенно более высокую степень просодической интеграции, чем в режиме прямого цитирования. Во-первых, препозитивная авторская ремарка реализуется обычно как просодически незавершенная, т.е. проецирующая дальнейшее развертывание дискурса. Просодическая незавершенность авторской ремарки маркируется чаще всего «прототипическим русским подъемом» с падением на заударных, если они есть, т.е. по типу ИК-3 (Янко 2008:31).

Так, в следующем примере хорошо согласованы (а) косвенный дейксис («мы спросили [у него₁], [о_н₁ ли сажает»); (б) косвенный вопрос; (в) наличие аппроксиматора-репортива *мол* (строка 32), (г) речевое затруднение, которое проявилось в необходимости оборвать слово в строке 32 (*e* = — возможно, первоначально предполагалось *его цветы*); (д) речевое затруднение, которое проявилось в наложении двух синтаксических структур (*ему кто-то сажает* и *у него кто-то приходит [сажать]*); (е) речевое затруднение, которое проявилось в необходимости переформулировать строку 34 в строке 35 с использованием дискурсивного маркера уточнения *в смысле*; и, наконец, (ж) подъем тона в главном фразовом акценте авторской ремарки (в строке 31 на глаголе *спросили*), который маркирует незавершенность и, тем самым интегрирует авторскую ремарку и собственно цитацию (строки 32–35) в единую иллокуцию:

(3) FS04-sp

30. а /там у него \цв^теты всякие в горшках,
31. .. ну и мы /спрос^или,
32. –мол это е= || он /са^м сажает,
33. или это ему-у там-м у него кто-то-о \приходит ему /сажа^ет,
34. или может быть это .. /домохо^зяйка,
35. ..” ээ в смысле-е .. которая \квартиру-у ... {СМЕХ} мм –сда^ет ему,

Во-вторых, авторская ремарка может произноситься вовсе без акцента, и тогда она еще более тесно интегрируется с цитируемым фрагментом. Так, в примере (4), в строке 84, глагол речи реализован атонически, авторская ремарка и цитация объединены в одну коммуникативно просодическую составляющую с единым фразовым акцентом:

(4) FS05-sp

83. позвонил /–ма^ме,,,
84. сказал что он /–при^ехал,,,
85. /мама очень \обра^довалась.

Заметим также, что в этом примере и строка 83, и строка 84 реализованы с акцентом типа ИК-6 по Е. А. Брызгуновой — с подъемом на ударном слоге, за которым не следует падения на заударных. Эта конфигурация, которую условно можно назвать интонацией многоточия, широко используется для выражения незавершенности при описании череды событий, открытого списка (Янко 2008: 109–113, 166–167). Таким образом, цитация интегрируется в нарратив, описывающий последовательность событий «позвонил», «сказал (что приехал)», «мама обрадовалась».

Итак, прагматический фактор является ведущим при разграничении прямой и косвенной речи — он задает функциональный статус цитационной конструкции. Остальные факторы проецируют функциональное задание на конкретный языковой ландшафт, эти факторы менее универсальны и более лингвоспецифичны (ср. например, японский язык, где комплементаризер одинаково употребителен и с прямым, и с косвенным дейксисом).

Наши корпусные данные показывают, что в русской устной речи говорящий, выбрав между прямым и косвенным дейксисом, последовательно придерживается этого выбора в пределах цитационной конструкции. Крайне редки случаи, когда говорящий по ходу построения конструкции меняет прямой дейксис на косвенный или наоборот. Таким редким исключением является следующий пример, где в строках 71 и 73 имеется косвенный дейксис, подкрепленный соответствующим синтаксисом и просодией — сентенциальным актантом, просодически интегрированным в главное предложение, однако в строке 75 происходит сбой (при попытке построить директив с *пусть*, который требует специальных ухищрений в режиме косвенного цитирования), и в строке 76 возникает прямой директив (хотя и «приправленный» аппроксиматором-репортивом типа) *типа*):

(5) FS02-sp

70. В /итоге,
71. он сказал что он нам не /верит,
72. и он уже столько очень много \сказок /наслушался,
73. и говорит что если мы хотим .. не /платить штраф,
74. и просто /уехать,
75. значит пусть ==
76. ... ну типа «\–Уезжайте!»

Рассмотрим теперь более подробно, как просодически реализуются цитационные конструкции в живой неподготовленной речи.

3. Неканонические случаи просодической реализации цитационных конструкций

В корпусе «Веселых историй из жизни» представлены три основных типа просодических отклонений от канонов прямой и косвенной речи в цитационных конструкциях: первый можно условно назвать «гиподиалогическим» вариантом прямой речи, второй — «дезинтегрирующим» вариантом косвенной речи, третий — «гипердиалогическим» вариантом прямой речи.

3.1. Гиподиалогический тип

При гиподиалогических отклонениях цитация с прямым дейксисом утрачивает просодические симптомы отдельной иллокуции, интегрируется (подобно цитации с косвенным дейксисом) с авторской ремаркой в единую иллокуцию, которая, в свою очередь, встраивается далее в структуру рассказа. Проиллюстрирую это на примере (6) ниже. В строках 22–23 описывается речевое событие — высказывание героини. Ее речь строится с прямым дейксисом: вначале следует речевой акт обращения, а затем следует сообщение, в котором непосредственный адресат индексируется с помощью притяжательного местоимения второго лица. В диалоге и при каноническом цитировании в формате прямой речи это сообщение должно было бы просодически реализоваться с падением на реме (главном фразовом акценте). Однако происходит иное: речевое событие связывается в нарративе причинно-следственным отношением со следующим событием — имитированием опьянения. В этой цепочке речевое событие просодически маркировано как незаключительное: в главном фразовом акценте строки 23, на слове *решены-ы*, имеется подъем по типу ИК-6 с ровным участком на растянутом ударном слоге, см. рис. 2. Кроме того, авторская ремарка лишена собственного акцента и просодически интегрирована с обращением. Таким образом, строки 22–23 выступают как цельный узел нарративной структуры, и просодия маркирует не иллокутивное намерение «внутреннего» говорящего, а внешнюю связь этого узла с другими в нарративной структуре:

(6) FS25-sp

22. она говорит «/\Алексей@
 23. Твои проблемы все ... /-решены-ы.»,,,
 24. ... \во-от,
 25. .. и-и .. собственно говоря тогда мне пришлось понимаешь
 /эмулировать бессознательное \опьянение.

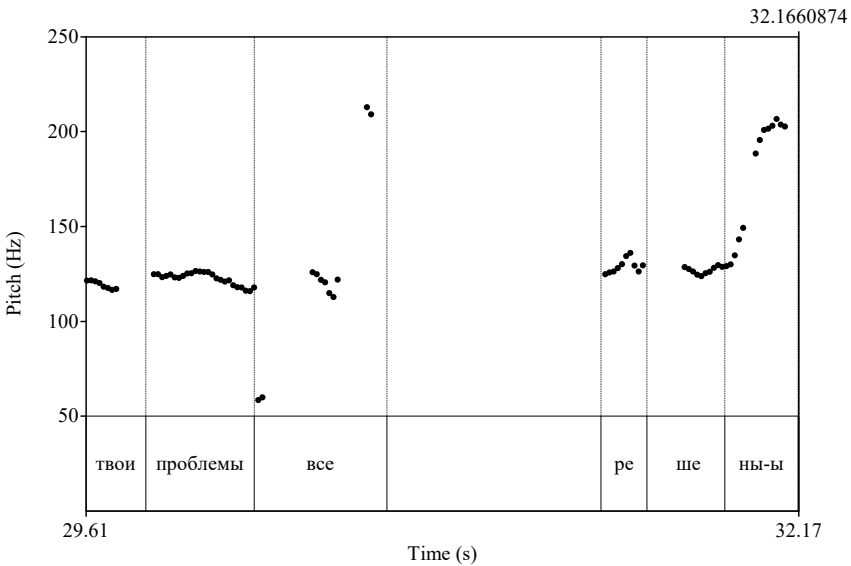

Рис. 2. FS25-sp: «проблемы решены»

Вариантом гиподиалогического паттерна является такой, при котором и авторская ремарка, и сама цитация являются незаключительными узлами нарративной цепочки. Так, в примере (7) строка 28, строка 29 и строка 30 являются незаключительными узлами и реализуются с одинаковыми подъемами в реме по типу ИКЗ — в высокий регистр с резким падением на заударных, см. рис. 3. Цепочка завершается лишь в строке 31, которая реализуется с падением тона в реме по типу ИК1 — прототипическое финальное падение в максимально низкий для данного говорящего уровень. Опять же сама цитация лишена иллокутивной просодии, хотя и исполнена с прямым дейксисом (второе лицо адресата) — подъем тона лишь отражает ее незаключительный статус в цепочке:

(7) FS08-sp

28. \постоянно /подкалывал,
29. «Ты как /парень»,
30. я ещё /стесняюсь этого,
31. а он меня ещё и \подкалывает.

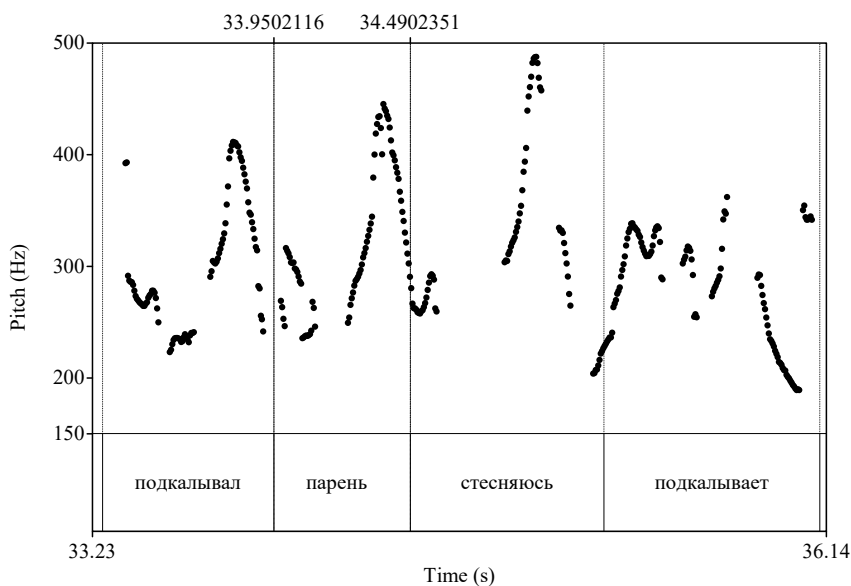

Рис 3. FS08-sp: «ты как парень»

Гиподиалогический тип хорошо сочетается с лексико-грамматическими отклонениями от прототипа при прямом дейксисе. См. пример (8), где все строки, включая 24 (авторскую ремарку) и 25–27 (цитируемый фрагмент), реализованы просодически как незаключительные узлы нарративной цепочки: 24 и 26 с подъемом по типу ИК3, а 25 и 27 — с подъемом по типу ИК6, см. рис. 4. При этом в строке 25 имеется «запрещенный» в прямой речи комплементаризер *что*, в той же строке — аппроксиматор-имитатив *вот*, а в строке 26 — аппроксиматор-репрезентатив *тыры-пыры* (аппроксиматоры не могли принадлежать исходному цитируемому фрагменту):

(8) FS05-sp

23. ...пошёл –бегать .. ээ по всяким /авиакассам,
24. .../объяснить,
25. что «/-Вот,,,
26. тыры-/пыры,
27. надо /-уехать.»,,,

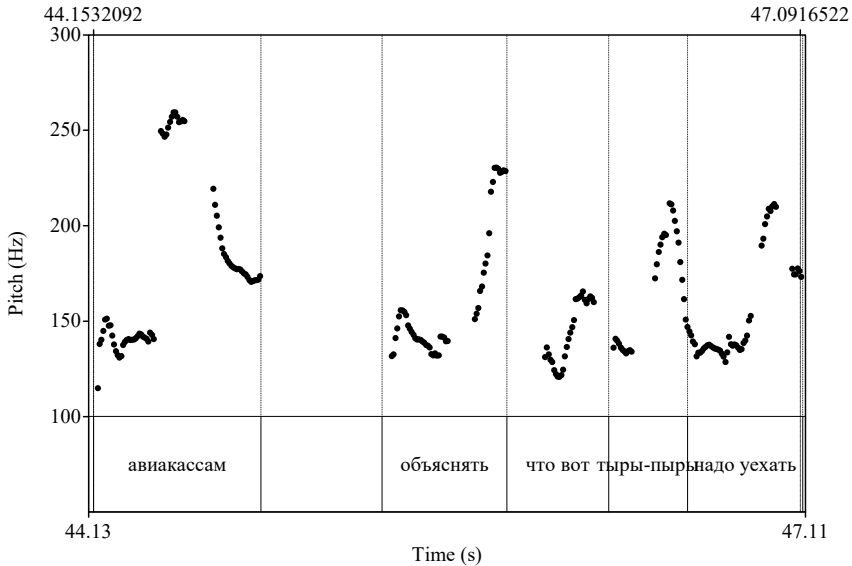

Рис. 4. FS05-sp «надо уехать»

Таким образом, гиподиалогический тип реализации цитационных конструкций с прямым дейксисом приводит к большей интегрированности конструкции, по сравнению с каноническим вариантом.

3.2. Дезинтегрированный тип

В конструкциях с косвенным дейксисом встречается просодический паттерн, обратный гиподиалогическому: это реализация авторской ремарки как независимой иллокуции — с падением тона в главном фразовом акценте. Если гиподиалогический паттерн сдвигает конструкцию с прямым дейксисом в сторону косвенной речи, то падение тона в авторской ремарке, наоборот, сдвигает конструкцию с косвенным дейксисом в сторону прямой. Проиллюстрирую это примером (9). Здесь в строке 193 авторская ремарка не интегрируется просодически с цитацией (что было бы типично для косвенного дейксиса): глагол речи произносится с понижением тона, свидетельствующий о том, что первоначально планировалась прямая цитация. Слушающий в этом месте ожидает начала цитации в формате прямой речи, однако этого не происходит — далее следует маркер хезитации *значит*, знаменующий, по всей видимости, речевое затруднение, перестройку, и переход к косвенной цитации, вводимой комплементаризером *что*:

(9) FS18-sp

193. И тут Брентон ... мне \говорит:

194. \значит,

195. что он этот знак берёт с \собой!

Еще один возможный контекст для конструкций дезинтегрированного типа — изложение последовательности событий с использованием особой, «перечислительной» стратегии: говорящий монотонно «бубнит», произнося все клаузы, будь то главные или придаточные, с одинаковой интонацией открытого списка. Обычно в рематическом акценте каждой клаузы списка — ровный тон или небольшой пологий подъем тона с последующим ровным участием, т.е. ИК6 в терминологии интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой. В строгом смысле при перечислительной стратегии нельзя говорить о том, что авторская ремарка артикулируется с интонацией завершенности, здесь дезинтеграция связана фактически с отказом противопоставления авторской ремарки и цитируемого фрагмента по завершенности: оба становятся равноправными элементами списка. Так, в следующем примере одинаково — с акцентом по типу ИК6 в реме — реализуются и строка 71 (авторская ремарка) и строки 72 и 74 (цитируемый фрагмент):

(10) FS18-sp

- 71. .. /—спрашивали у нас,,,
- 72. /—откуда мы,,,
- 73. \вот,
- 74. чего мы тут /—делаем,,,

Таким образом, данный тип реализации цитационных конструкций с косвенным дейксисом приводит к меньшей интегрированности конструкции, по сравнению с каноническим вариантом.

3.3. Гипердиалогический тип

Гипердиалогический тип конструкций с прямым дейксисом говорящие используют для намеренной театрализации описываемого речевого события. Утрирование исходного иллокутивного намерения, с одной стороны, сохраняет прагматическую перспективу «внутреннего» говорящего, но, с другой стороны, привносит и оценку ситуации внешним повествователем. Оценочные значения могут быть любого «знака» от восхищения до недоумения. Часто такая педалированная просодия, передразнивание, понимается как ироническая, сопровождается улыбкой или смехом (особенно, учитывая, что материал — «веселые истории»). При этом просодическая реализация включает выраженные черты эмфазы, в том числе, уже упоминавшиеся выше удлинение и тональное искривление акцентированного слога, а также сдвиг в более высокий регистр, вплоть до фальцета. Так, в примере (11) гипердиалогически реализуется строка 15 — с усиленной громкостью, в очень высоком регистре, с восходящее-нисходящим тоном на ударном слоге, см. рис. 5:

(11) FS12-sp

12. ·и /потом он ·· просто на всю /маши-ину,
13. я бы даже сказала /\бо-ольше,
14. больше чем на всю /машину,
15. ·· «/\Кто-о это?!»
16. {СМЕХ} Начинает /кричать,

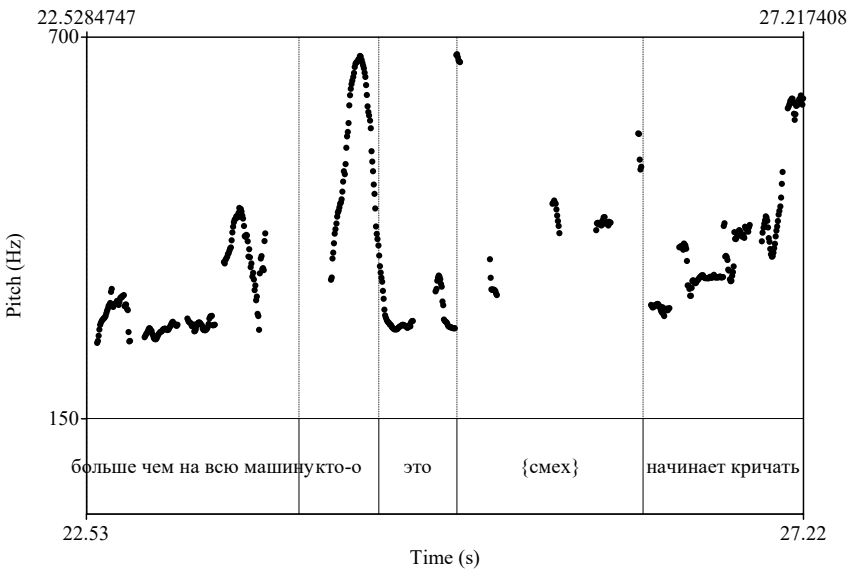

Рис. 5. FS12-sp: «кто это»

Аналогичным образом, в примере (12) с явной иронией гипердиалогически реализуется цитируемое обращение, строка 19: фальцетом, растянуты и ударный и заударный слоги, оба — с восходящее-нисходящим тоном, см. рис. 6:

(12) FS21-sp

15. ···· {ЧМОКАНЬЕ} Одна бабуля —
16. ·· /поняв,
17. что она не успевае^т выйти на /остановке,
18. — ···· неожиданно \кричит:
19. ··· {ЦОКАНЬЕ} ···· «/\↑↓Води-ите-ель@!

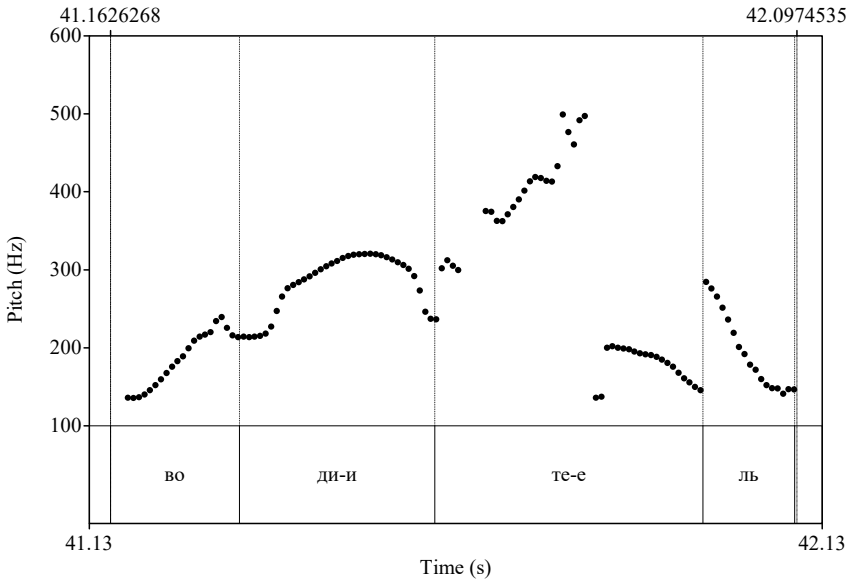

Рис. 6. FS21-sp: «Водитель!»

Гиподиалогические и гиппердиалогические отклонения от канона прямой речи в редких случаях могут наблюдаться совместно в цитационной конструкции с прямым дейксисом. Так, в следующем примере цитация реализуется иронически утрированно, с намеренной театрализацией (высокий регистр, растянутые ударные слоги, «блеющий» голос, Янко 2008: 85), ср. рис. 7. Но при этом строки 238, 239 и 240 произносятся с явным просодическим маркированием незавершенности, т.е. как незаключительные в нарративной последовательности:

(13) FS18-sp

237. я говорю «/\Бре-ентон@!

238. Какой /\кошма-ар!,,,

239. нельзя такие /\ве-ещи!,,,

240. это же /\у-ужас просто!,,,

241. .. нас посадят в /\тюрьму непременно!».

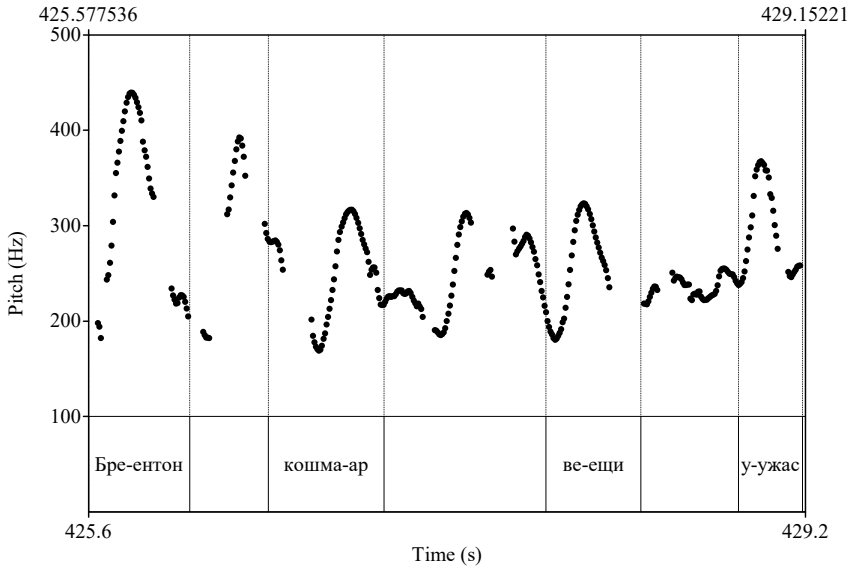

Рис. 7. FS18-sp: «кошмар, ужас»

Итак, реализация конструкции с прямым дейксисом в гипердиалогическом варианте способствует ее большей интеграции в текущий нарратив за счет «внедрения» точки зрения «внешнего» говорящего непосредственно в цитируемый фрагмент.

4. Количественные данные и итоги

В предыдущих разделах были обсуждены основные типы просодических отклонений от канонических случаев прямой и косвенной речи, которые были обнаружены в обследованном корпусе. Приведем теперь некоторые количественные данные, которые позволят составить представление о распространенности задокументированных нами явлений.

Из общего числа эпизодов включения чужой речи (162) в корпусе «Веселых историй из жизни» лишь 19 либо имеют признаки косвенного дейксиса, либо вообще не имеют однозначно интерпретируемых прагматических маркеров. Абсолютное большинство (143) имеют признаки прямого дейксиса. В соответствии со сказанным выше, к этому классу были отнесены цитационные конструкции, где в составе цитации личные местоимения и личные формы глагола употреблены «прямо» (без индексального сдвига), а в отсутствие свидетельств личного дейксиса (или в дополнение к нему) — где в составе цитации имеются *main-clause phenomena*. Количественные сведения об обнаруженных неканонических явлениях них суммированы в таблице 1:

Таблица 1. Отклонения от прототипов прямой и косвенной речи в цитационных конструкциях в корпусе «Веселых историй из жизни»

	Всего	С просодическими отклонениями от канона		
Эпизоды включения чужой речи	162	40		
Имеют признаки прямого дейксиса	143	37	гиподиалогический тип	24
			гипердиалогический тип	13
Не имеют признаков прямого дейксиса	19	3	дезинтегрированный тип	3

Как видим, количественное распределение обнаруженных цитационных конструкций позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, становится очевидным, что доля конструкций с прямым дейксисом в общем числе отраженных в нарративе речевых событий очень высока (143 из 162). Во-вторых, высока доля конструкций с просодическими отклонениями от канона — четверть от общего числа (40 из 162), при этом отклонения от канона в конструкциях с прямым дейксисом встречаются чаще (37 из 143), чем в конструкциях в косвенном дейксисом (3 из 19). При этом гиподиалогический тип представлен гораздо шире (24 из 37), чем гипердиалогический (13 из 37, имевшиеся в выборке два случая, где были представлены оба типа, считались в таблице как гипердиалогические). Разумеется, проведенное исследование приоткрывает лишь малую часть всего комплекса проблем, связанных с передачей чужой речи в устном неподготовленном дискурсе. Дальнейшая работа с этим и другими корпусами звучащей речи позволит установить, в частности, насколько просодические отклонения от канона коррелируют с лексико-грамматическими отклонениями, и, во-вторых, насколько наличие просодического ресурса влияет на номенклатуру и частотность лексико-грамматических отклонений от канона в устной речи по сравнению с письменной.

Литература

1. Aikhenvald A. (2008) Semi-direct speech: Manambu and beyond // *Language Sciences* 30: 383–422
2. Aikhenvald A. (2011a) *Speech Reports: A Cross-Linguistic Perspective* // Alexandra Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon (eds.) *Language at Large: Essays on Syntax and Semantics*. Brill: Leiden, Boston. 2011, 290–326
3. Aikhenvald A. (2011b) *Semi-Direct Speech in Typological Perspective* // Alexandra Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon (eds.) *Language at Large: Essays on Syntax and Semantics*. Brill: Leiden, Boston. 2011, 327–368
4. Bryzgunova E. A. (1982) *Intonatsiya [Intonation]*, *Russkaya grammatika [Russian Grammar]*. Vol. 1, Nauka, Moscow, pp. 98–118.
5. Evans, Nicholas. (2013). Some problems in the typology of quotation: A canonical approach. In Dunstan Brown, Marina Chumakina & Greville G. Corbett (eds.), *Canonical morphology and syntax*. Oxford: Oxford University Press, 66–98

6. *Janko T. E.* (2008) *Intonacionnyje strategii russkoj rechi v tipologičeskom aspekte* [Intonational strategies in spoken Russian from a comparative perspective]. Moskva: Jazyki Slavjanskix Kul'tur.
7. *Kibrik A. A., Podlesskaya V. I.* [Eds.] (2009) *Rasskazy o snovidenijax: korpusnoe issledovanie usntogo russkogo diskursa* [Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Jazyki Slavjanskix Kul'tur.
8. *Paducheva E. V.* (1996a) *Subjectivnaja modal'nost': illokutivnye pokazateli i vvodnye slova* [Subjective modality: illocutive markers and parentheticals] // *Semantičeskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v Russkon jazyke. Semantika narrativa* [Semantic investigations Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative.] *Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, 297–320*
9. *Paducheva E. V.* (1996b) *Nesobstvennaja prjamaja rech i svobodnyj kosvennyj diskurs* [Semi-direct speech and free indirect discourse] // *Semantičeskie issledovanija. Semantika vremeni i vida v Russkon jazyke. Semantika narrativa* [Semantic investigations Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative.] *Jazyki russkoj kul'tury, Moscow,*
10. *Spokencorpora* (2013) *Prosodically Annotated Corpus of Spoken Russian (PrACS-Russ)*. Pilot version. Online: <http://spokencorpora.ru>